

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А. Говоров

К истории гомилетики:
отзыв о сочинении проф. КДА В. Певницкого
"Из истории гомилетики. Средневековые
гомилетики". Киев, 1895 год

Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 6. С. 981-1003.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

КЪ ИСТОРИИ ГОМИЛЕТИКИ

Отзывъ о сочиненіи профессора кievской духовной академіи В. Пѣвницкаго: „Изъ исторіи гомилетики. Средневѣковая гомилетика“ (Кіевъ 1895 г.) съ приложеніемъ брошюры: „Первая, самая древняя, гомилетика“,—представленномъ на премію покойнаго митрополита Московскаго Макарія).

Средневѣковый періодъ представляетъ собой безспорно любопытную эпоху въ исторіи науки о церковномъ проповѣдничествѣ. Съ спеціальной, теоретическо-гомилетической точки зрѣнія научный интересъ представляетъ эта эпоха уже потому одному, что въ средніе вѣка на Западѣ, гдѣ собственно и родилась гомилетика, она замѣчательно успѣшно привилась къ почвѣ, развилась и типически сформировалась въ смыслѣ систематической теоріи проповѣдническаго искусства. Особыя историческія условія подняли значеніе гомилетики въ средніе вѣка, сдѣлали ее предметомъ общаго вниманія, интереса и вкуса, центромъ тяготѣнія учено-литературныхъ симпатій и удивительно настойчиваго, энергичнаго труда самыхъ выдающихся представителей средневѣковой учености. Гомилетикѣ посвящаютъ свое перо замѣчательнѣйшіе авторитеты въ исторіи западной церковно-христіанской письменности; ею труженически, по цѣлымъ годамъ, занимаются самые корифеи схоластики; въ излюбленной гомилетической области мы встрѣчаемся съ первыми свѣтилками своего вѣка, отмѣченными эпитетами не просто „великихъ“, а „величайшихъ схоластикомъ“ (*summi scholastici*), съ генералами монашескаго ордена „Братьевъ проповѣдниковъ“ (*Fratres praedicatorum*); страницы средневѣковыхъ гомилетическихъ сочиненій украшаютъ собой внушительныя имена докторовъ „серафимскихъ“, докторовъ „херувимскихъ“, докторовъ „самыхъ остроумныхъ“, докторовъ „неопровержимыхъ“ и т. п.

Въ средневѣковой энциклопедіи наукъ едвали найдется соперница „*sacrae rhetoricae*“, на долю которой выпала бы такое же обиліе сочиненій, какое представляетъ средневѣко-

вая гомилетическая литература. Сообразно господствующему направлению средневѣковой науки вообще, характеризующемуся преобладаніемъ формы надъ содержаніемъ, самую подробную разработку въ средневѣковой гомилетикѣ получила риторическо-техническая сторона.

Вліяніе схоластической гомилетики на дальнѣйшую судьбу этой науки и исторію самой проповѣди было очень велико и продолжительно: оно пережило самую эпоху схоластики и и родной языкъ ея. Камертонъ риторическо-схоластической гомилетики звучалъ цѣлые вѣка въ исторіи науки о проповѣди; къ нему прислушивалась и по нему настраивалась подчасъ и реформированная уже гомилетика новѣйшаго времени.

Латино-схоластическое направленіе въ исторіи гомилетической литературы можно приравнять въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, къ ложно-классическому направленію въ исторіи свѣтской художественной литературы. Въ непосредственной зависимости отъ средневѣковой гомилетики схоластическаго типа находилась болѣе двухъ столѣтій (съ XVI до половины XVIII в.) и русская проповѣдь.

Было бы несправедливо сводить все въ средневѣковой наукѣ о проповѣдничествѣ, даже въ схоластическомъ направленіи ея, къ одной лишь отрицательной сторонѣ дѣла. Историко-генетическая связь ея съ современной формальной гомилетикой очевидна. Понятна отсюда и важность знакомства съ западно-схоластической гомилетической литературой средневѣковаго періода. Исторія выработки гомилетическихъ формъ и приемовъ построения и изложенія была бы во многомъ не понятна безъ исторіи средневѣковой гомилетики.

И вообще говоря, нельзя серьезно изучить искусство, не знакомясь, при изученіи произведеній его, вмѣстѣ и съ различными теоріями его; а чтобы основательно ознакомиться съ какою либо спеціальной теоріей, нельзя не знать и историческаго процесса ея развитія на протяженіи вѣковъ, процесса постепенныхъ измѣненій и осложненій въ области ея по мѣрѣ накопленія матеріала науки, точнѣйшаго опредѣленія задачъ ея и испытанія методовъ изслѣдованія научнаго матеріала. „При историческомъ обзорѣннѣ прежнихъ научныхъ трудовъ“—справедливо говоритъ г. Пѣвницкій—„изъ сравненія и сопоставленія ихъ, яснѣе открываются съ одной стороны недосмотры и неправильности, въ нихъ допущенные; съ другой стороны достоинства прежнихъ работъ и данныя ими цѣнныя пріобрѣтенія, которыя должны быть неизмѣннымъ достояніемъ науки, и виднѣе большая или меньшая годность извѣстныхъ методовъ построения науки“ (I стр. пред.).

Но если въ силу этихъ соображеній и каждая вообще наука или отрасль знанія значительно выигрываетъ оттого, когда она изучается, какъ говорятъ нѣмцы, не только въ своемъ *Sein*, но и въ своемъ *Gewordensein*, то по отноше-

нію къ гомилетикѣ, особенно въ нашей отечественной литературѣ, это требованіе является дѣломъ не только существенной важности, но и необходимости. Чуть не современная литературному христіанству, какъ предметъ общихъ пастырско-гомилетическихъ сужденій и отрывочныхъ специальныхъ замѣчаній представителей церковно-христіанской письменности, гомилетика доселѣ еще, можно сказать, не опредѣлилась и не остановилась какъ наука, въ смыслѣ систематической теоріи проповѣдническаго искусства. „Ея положеніе, по крайней мѣрѣ въ нашей литературѣ, крайне шаткое и неопредѣленное, и научное значеніе ея и даже практическая польза весьма часто подвергаются сомнѣнію“¹⁾.

Услуга историко-гомилетическаго труда въ нашей литературѣ при такомъ положеніи дѣла несомнѣнна. Авторъ разсматриваемаго труда опредѣляетъ значеніе и пользу его въ слѣдующихъ словахъ: „При ближайшемъ знакомствѣ съ прежними трудами по гомилетикѣ перестаетъ казаться скуднымъ матеріаломъ науки, вырастаетъ ея научное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ полезныя указанія для болѣе правильной постановки науки въ настоящее время“²⁾.

Сочиненія г. проф. Пѣвницкаго: „Первая, самая древняя, Гомилетика“ и „Средневѣковыя Гомилетики“ представляютъ собой отдѣльные оттиски изъ цѣлаго ряда статей, печатавшихся съ 1892 г. въ журналѣ: „Труды Кіевской Д. Академіи“ подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ исторіи Гомилетики“. Изданныя въ разное время (первое въ 1892-мъ, второе въ 1895 году) и посвященныя разнымъ періодамъ въ исторіи гомилетики, названныя сочиненія не представляются однако произведеніями разнородными; ихъ объединяетъ не одно только общее заглавіе, даже не общій только предметъ содержанія; ихъ внутренне соединяетъ самый характеръ излагаемыхъ въ нихъ гомилетическихъ фактовъ, какъ генетически связываетъ онъ, по непосредственной преемственности въ развитіи гомилетическихъ идей, и обнимаемыя этими сочиненіями историческія эпохи.

Бл. Августинъ, вліятельнѣйшій церковно-христіанскій писатель въ области западной богословской науки вообще, считается отцомъ и гомилетической науки въ частности. Онъ самъ лично, строго говоря, не обладалъ выдающимся ораторскимъ талантомъ; но высокій авторитетъ его, какъ представителя западной латино-христіанской письменности и христіанской жизни, какъ „руководителя всей западной церкви“ (Führer der ganzen abendländischen Kirche), „князя среди церковныхъ отцовъ“ (Fürst unter den Kirchenvätern), заставляеть историковъ церковной проповѣди видѣть въ немъ

1) Пѣвницкій: „Средневѣковыя гомилетики“ I—II.

2) Ibid. II.

„кульминационную точку“ церковнаго краснорѣчія въ западной церкви, „идеаль“ проповѣдника для позднѣйшихъ ораторовъ западной церкви ¹⁾. Такъ или иначе съ именемъ Августина тѣсно связаны древній и средній періоды въ исторіи науки о проповѣдничествѣ.

Если Августинъ, какъ церковный ораторъ, и не былъ „*Lex orandi*“, то Августинъ, какъ гомилетъ, олицетворялъ собой христіанскаго Цицерона въ западной теоретическо-гомилетической литературѣ. То, что Квинтиліанъ говоритъ о Цицеронѣ, что имя его для потомства стало уже не именемъ человѣка, а именемъ краснорѣчія ²⁾, это приложимо и къ Августину: имя его долго не сходило со страницъ произведеній западно-гомилетической литературы; авторитетъ его царитъ въ ней на протяженіи всего средневѣкового періода. „Подобнаго или разнаго ему“—замѣчаетъ почтенный авторъ—„по вліянію на позднѣйшую латинскую письменность не указываетъ исторія западной латино-христіанской литературы... Къ слову его относились средневѣковые представители гомилетики, какъ къ слову учителя, видоизмѣняя и дополняя его своими замѣчаніями“ ³⁾.

„Христіанская наука“ его, какъ „первая самая древняя, гомилетика“, легла въ основу всего дальнѣйшаго развитія этой науки на латинскомъ западѣ, опредѣливъ и узаконивъ надолго для нея общій типъ научной обработки и въ частности—задачи, методъ, строй и стиль гомилетической архитектоники.

Естественно, что и между сочиненіями, посвященными разбору гомилетики бл. Августина и обзору гомилетикъ средневѣковыхъ должно быть много общаго по самому существу дѣла.

I.

Къ „Христіанской Наукѣ“ бл. Августина проф. Пѣвницкій приступаетъ въ настоящей брошюрѣ не въ первый разъ. Уже въ своемъ сочиненіи о св. Григоріи Двоесловѣ (1871) онъ имѣлъ случай коснуться этого труда бл. Августина, сопоставляя съ нимъ въ гомилетическомъ отношеніи „Пастырское Правило“ Григорія Двоеслова. Намѣтивъ точки зрѣнія, съ которыхъ опредѣляется различіе двухъ сравниваемыхъ гомилетическихъ сочиненій, авторъ уже тамъ далъ краткую характеристику „Христіанской Науки“. Теперь въ специальной брошюрѣ о „Первой, самой древней, гомилетикѣ“ проф. Пѣвницкій входитъ въ подробный историко-гомилетическій

¹⁾ Rothe: „Geschichte der Predigt“; 104; Nebe: „Zur Geschichte der Predigt“; 1 B. 168—170.

²⁾ „*Ut Cicero jam non hominis nomen, sed eloquentiae habeatur*“. Institut. orat. X, 1.

³⁾ „Первая, сам. др. гомилетика“, стр. 45.

разборъ содержанія этого сочиненія. Предметомъ брошюры, такимъ образомъ, служить анализъ второй части (IV книги) „Христіанской Науки“ бл. Августина съ гомилетической точки зрѣнія. Задача труда—уясненіе вопросовъ: „въ какомъ видѣ является наука о церковномъ краснорѣчїи въ первоначальномъ ея изложенїи? И какія авторъ ея даетъ руководственныя указанія касательно того предмета, изслѣдованію котораго посвящена наука, существующая нынѣ въ школахъ подъ именемъ гомилетики“? По смыслу вопросовъ этихъ, непосредственно касающихся только даннаго содержанія подлежащаго разбору сочиненія, авторъ могъ бы и прямо приступить ad rem, т. е. къ фактической передачѣ лишь содержанія „Христ. Науки“. Но подобный трудъ не имѣлъ бы характера научной работы, не имѣлъ бы и научной цѣнности. Взглянувъ на свою задачу серьезнѣе и глубже, какъ спеціалистъ, авторъ при разсмотрѣнїи гомилетики Августина не ограничился узкими рамками текстуальнаго изложенія содержанія ея; въ разборъ фактической стороны дѣла онъ вноситъ, съ одной стороны, историческое освѣщеніе, съ другой—критическо-гомилетическій элементъ, переплетающійся съ объективнымъ изложеніемъ тѣхъ или другихъ частныхъ пунктовъ содержанія разсматриваемаго имъ сочиненія. При такой постановкѣ дѣла историко-гомилетическій этюдъ проф. Пѣвницкаго выигрываетъ въ полнотѣ научнаго раскрытія предмета, отчетливости и законченности. Спеціальнѣйшій интересъ этому этюду придаетъ особенно принципиальная сторона его, въ смыслѣ критическаго разбора и оцѣнки съ теоретическо-гомилетической точки зрѣнія основныхъ началъ и опирающихся на нихъ руководственныхъ правилъ гомилетики Августина.

Въ частности.

Въ началѣ сочиненія авторъ знакомитъ читателя съ историческимъ прошлымъ гомилетики, какъ науки; сообщаетъ, такъ сказать, „*curriculum vitae*“ ея; говоритъ о судьбѣ гомилетики по выдѣленїи ея изъ реторики, отмѣчаетъ мѣсто и значеніе ея въ кругу наукъ, обнимаемыхъ современнымъ курсомъ ученія въ духовныхъ школахъ.

Останавливаясь на самомъ имени гомилетики, авторъ даетъ краткій историческій очеркъ происхожденія этого названія; маленькая историко-гомилетическая справка на этотъ счетъ даетъ автору поводъ справедливо замѣтить, что разнообразныя средневѣковыя названія науки о проповѣдничествѣ, захватывавшія шире существо ея, были точнѣе нынѣшняго техническаго названія ея. Въ прямую зависимость отъ неудачнаго названія гомилетики, „мало популярнаго у насъ внѣ школьнаго духовнаго міра“, авторъ ставитъ непопулярность въ обществѣ самой науки о проповѣдничествѣ, двусмысленное скептическое отношеніе къ ней даже въ самой духовной школѣ. Тутъ, мнѣ кажется, нѣсколько преувеличена

роль имени гомилетики. Что наука эта „не обрѣтается у насъ въ авантажѣ“—это, къ сожалѣнію, безпорный фактъ; что „люди, стоящіе въ сторонѣ отъ духовной школы, почти не понимаютъ названія этой науки, не соединяютъ съ нимъ отчетливаго представленія“—это также совершенно вѣрно, намъ приходилось даже слышать въ обществѣ искаженія слова „гомилетика“ въ „галематику“ (не намекъ ли это на протестантскую „галіевтику“?). Но изъ того, что люди не соединяютъ отчетливаго представленія съ словомъ „гомилетика“, врядъ ли серьезно можно заключать, что „поэтому и не считаютъ они гомилетику наукою важною и нужною“ (стр. 3) Еслибъ въ самомъ дѣлѣ только поэтому не жаловали нашу науку въ обществѣ, то тогда людямъ, дорожающимъ судьбою ея, нечего было бы особенно и печалиться: вѣдь имена: „литургика“, „каноника“, „экзегетика“, „метафизика“, едва ли больше, чѣмъ „гомилетика“, говорятъ людямъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ духовной школы. Тутъ дѣло не въ томъ, что неудачно и непонятно названіе науки, а въ томъ, что неудовлетворительна ни научная обработка ея, ни учебная постановка ея. Напрасно также, по нашему мнѣнію, почтенный профессоръ гомилетики, сдѣлавшій у насъ наиболѣе цѣнные вклады въ научную область ея, въ настоящемъ гомилетическомъ сочиненіи своемъ, представленномъ на *ученую* премію, отказывается быть защитникомъ *научнаго интереса* гомилетики ¹⁾. Онъ желалъ бы только „спасти ее отъ униженія, не для нея самой, а во вниманіе къ той высокой задачѣ, которой она призвана слѣдовать“. Но во первыхъ, осуществимо ли это желаніе спасенія науки при нежеланіи видѣть и отстаивать научный интересъ ея? Во вторыхъ, если по собственнымъ словамъ автора „въ германскихъ богословскихъ энциклопедіяхъ гомилетика (при своей солидной научной постановкѣ въ Германіи) составляетъ существенную, самую главную часть такъ называемаго практическаго богословія, то почему же принципиально отказывать ей въ научномъ интересѣ у насъ въ Россіи? И не становится ли почтенный проф. въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собой, когда онъ, мотивируя изданіе своихъ „Средне-вѣковыхъ гомилетикъ“, говоритъ, между прочимъ: „При ближайшемъ знакомствѣ съ прежними трудами по гомилетикѣ перестаетъ казаться скуднымъ матеріалъ науки, возрастаетъ ея *научное значеніе* и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ полезныя указанія для болѣе правильной постановки науки въ настоящее время“ (II стр.) Намъ и думается, что если гомилетика отвѣчаетъ своей высокой задачѣ, если она, какъ наука, ведетъ свое дѣло съ тѣмъ философскимъ прагматиз-

¹⁾ Авторъ прибавляетъ, правда, „особеннаго“ интереса. Но зачѣмъ же—особеннаго? Отчего не наравнѣ съ интересомъ каждой другой науки?

момъ, который развиваетъ и объясняетъ излагаемые имъ законы и наблюденія изъ ихъ основаній, и вообще удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, то она занимаетъ тогда въ системѣ знаній весьма почетное мѣсто, какъ наука не только очень полезная, но и высокоинтересная.

Краткимъ историческимъ обзоромъ опытовъ изложенія гомилетическихъ правилъ до Августина авторъ подводитъ читателя къ непосредственной задачѣ своей. Въ самомъ началѣ своего критическаго анализа „первой гомилетики“ г. Пѣвницкій обращаетъ вниманіе на односторонность сужденія Августина о задачѣ риторики и краснорѣчія. Выходя изъ невѣрнаго взгляда на реторику, какъ на „искусство убѣждать другихъ и въ истинномъ и въ ложномъ“, бл. Августинъ сводитъ все существо науки о краснорѣчии къ одной лишь внѣшней, формально-риторической сторонѣ. Область риторики представляется ему областью чистой діалектики. „Наука витійства“—говоритъ Августинъ стоитъ по природѣ своей какъ бы посреди двухъ крайностей (!), оказывая большую силу убѣжденія какъ въ ложныхъ, такъ и въ правильныхъ понятіяхъ“ (III гл.). Т. е. другими словами: риторикѣ, собственно, нѣтъ дѣла до того, чему призвано служить ораторское искусство; ея задача—выработать только изъ него сильное оружіе, которымъ по своему усмотрѣнію можетъ воспользоваться тотъ, кто съумѣетъ— „Такое пониманіе краснорѣчія“—справедливо замѣчаетъ проф. Пѣвницкій—„не можетъ служить къ чести науки о немъ“. Въ исторіи теоріи краснорѣчія оно служитъ свидѣтельствомъ упадка этой науки, которая опередила риторическія воззрѣнія Августина уже за цѣлые вѣка до него. Превратное пониманіе краснорѣчія въ смыслѣ софистическаго „*ars dicendi*“ осуждено было уже въ классическую пору языческой риторики самымъ талантливымъ и симпатичнымъ представителемъ ея—Квинтиліаномъ, которому наука о краснорѣчии обязана не только самой обширной и полной, но и наиболее здравой и безпристрастной теоріей ораторскаго искусства. Сопоставляя опредѣленіе риторики Квинтиліана: „*scientia bene dicendi*“ съ извѣстнымъ правиломъ его, по которому „*nemo orator, nisi vir bonus*“, проф. Пѣвницкій основательно заключаетъ, что „подъ *benedicendi* разумѣлась у Квинтиліана не одна внѣшняя красота слова, но и доброе внутреннее содержаніе. Ораторъ, по ученію Квинтиліана, долженъ убѣждать въ томъ, что честно или что должно быть (*quod honestum est, sive quod oporteat*)“. Основная мысль Квинтиліана, что „сердце только дѣлаетъ краснорѣчивымъ“ (*Pectus est, quod disertus facit*) попадаетъ въ жизненный нервъ истиннаго краснорѣчія, какъ свѣтскаго, такъ и церковнаго, и составляетъ центръ всей христіанской гомилетики. И эта мысль идетъ въ разрѣзъ съ теоріей „*ars dicendi*“, въ смыслѣ искусства убѣждать другихъ и въ истинномъ и въ ложномъ. То вѣрно, что

„въ развитіи и уясненіи правилъ, долженствующихъ направлять дѣятельность проповѣдника на надлежащій путь, бл. Августинъ не держится этого ложнаго понятія о краснорѣчїи, которому по его словамъ должна служить риторика“ (Пѣвницкій: „Первая гомил. стр. 10). Тѣмъ не менѣе, въ общериторическомъ элементѣ его „первой гомилетики“ ложноклассическая теорія ораторскаго искусства имѣетъ свое звено, черезъ которое она проходитъ по всей средневѣковой риторическо-гомилетической литературѣ.

Дальнѣйшій ходъ мыслей въ разсматриваемой брошюрѣ опредѣляется ходомъ содержанія главъ IV книги „Христіанской Науки“, посвященныхъ развитію частныхъ гомилетическихъ наставленій. Главы эти разсматриваются одна за другой въ послѣдовательномъ порядкѣ, но при этомъ не упускается изъ виду и внутренняя систематическая связь ихъ между собой. Авторъ искусно примѣняетъ къ дѣлу аналитическо-синтетическій методъ, благодаря которому въ изложеніи содержанія гомилетики Августина рельефнѣе выдѣляются основныя мысли сочиненія, раскрываются и уясняются существенныя стороны его, заслуживающія вниманія въ научно-или практическо-гомилетическомъ отношеніи, частности же и незначительныя детали ступовываются и отходятъ на второй планъ. Прежде всего отмѣчаетъ проф. Пѣвницкій общую мысль, которая „проходитъ по всей широтѣ книги бл. Августина и къ которой онъ не разъ возвращается при частныхъ своихъ наставленіяхъ“, что „краснорѣчію нужно учиться практически, читая и слушая образцовыхъ ораторовъ, и по мѣрѣ возможности подражая имъ. Этотъ способъ обученія краснорѣчію гораздо важнѣе обученія теоретическаго, и скорѣе приведетъ къ цѣли, чѣмъ изученіе и точное исполненіе правилъ ораторскаго искусства“ (стр. 10). Затѣмъ разъясняется взглядъ бл. Августина на взаимоотношеніе двухъ сторонъ проповѣди, внутренней и внѣшней—содержанія и изложенія. Сопоставленіе 7-й главы съ 30 даетъ основаніе г. Пѣвницкому утверждать, что бл. Августинъ отдаетъ предпочтеніе внутренней сторонѣ проповѣди, содержанію, предъ внѣшней,—что онъ не отвергаетъ краснорѣчїа (искусства говорить *eloquenter* и придаетъ ему немалое значеніе, но только тогда, когда оно соединяется съ мудрымъ и полезнымъ содержаніемъ (съ тѣмъ, что Августинъ называетъ „говорить *sapienter*“)⁴). Изъ дальнѣйшаго обсужденія и разбора понятій, соединяемыхъ съ терминами *sapienter* и *eloquenter*, и подробнаго анализа источниковъ и доказательствъ этихъ гомилетическихъ основоположеній г. Пѣвницкій даетъ видѣть читателю, что въ бл. Августинѣ оживаетъ прежній риторъ, который „къ писаніямъ новаго рода, не подходящимъ подъ одну рубрику съ ораторскими произведеніями, прежде его занимавшими, при ихъ разборѣ, прилагаетъ прежнюю риторическую мѣрку, такъ ему знакомую“ (стр. 16, 21, 40).

Становясь на точку зрѣнія древне-эстетическихъ требованій по отношенію къ внѣшнему строенію ораторской рѣчи, г. Пѣвницкій входитъ въ подробное специальное объясненіе законовъ музыкальности древне-ораторской рѣчи (16—17) и этими требованіями гармоніи рѣчи и въ частности закономѣрнаго теченія слоговъ и словъ въ періодѣ объясняетъ и извиняетъ сужденія бл. Августина о риторическихъ красотахъ въ примѣрахъ изъ библейскихъ писателей; съ современной же точки зрѣнія—„напрасно съ риторическою указкою искать красоты въ библейскихъ книгахъ и рѣченіяхъ; къ нимъ неприменимы утонченно риторическія правила... Мы краснорѣчіе видимъ не въ одномъ внѣшнемъ блескѣ и гармоніи рѣчи, а во внутренней силѣ истины, находящей себѣ соотвѣтственное выраженіе въ словѣ и создающей себѣ достойную внѣшнюю форму“ (20, 21). Съ положительными свойствами внутренней и внѣшней стороны проповѣди тѣсно связано требованіе ясности изложенія. Такъ какъ слово есть орудіе мысли, то нецѣлесообразны, а потому и нежелательны въ проповѣди выраженія, которыя не могутъ быть поняты всѣми. Ясность содержанія гармонируетъ въ совершенной проповѣди съ ясностью изложенія. И бл. Августинъ вполне правъ, выставляя это требованіе, какъ главное и обязательное въ проповѣдническомъ изложеніи правило. Но подчеркивая настоятельно требованіе ясности, бл. Августинъ, по справедливому замѣчанію г. Пѣвницкаго, „переступаетъ уже мѣру, когда для соблюденія ясности дозволяетъ и даже прямо рекомендуетъ жертвовать не только изяществомъ, но даже правильностью выраженія. Строгий риторическій вкусъ продолжаетъ почтенный профессоръ—„едвали сдѣлаетъ ему уступку въ этомъ случаѣ. И съ точки зрѣнія гомилетической правильность языка въ церковныхъ поученіяхъ также (такъ же) обязательна, какъ и ясность выраженія... И не будетъ ли униженіемъ для высокой истины, составляющей содержаніе проповѣднаго слова, если объ ней съ церковной кафедрой будутъ говорить языкомъ небрежнымъ и неправильнымъ. Самый слухъ слушателей, привыкшихъ съ благоговѣніемъ относиться къ святому ученію Церкви, ... можетъ оскорбиться, если съ церковной кафедрой будутъ раздаваться выраженія изъ грубаго простонароднаго говора“ (стр. 25).

Это замѣчаніе г. Пѣвницкаго заслуживаетъ вниманія, особенно, въ виду того, что стремленіе къ простонародности, къ крайней общедоступности и упрощенности проповѣдническаго изложенія въ послѣднее время чаще и чаще стало переходить у насъ въ нежелательное для церковной кафедры увлеченіе этимъ народнымъ направленіемъ. Поддѣляясь подъ народный языкъ и вкусъ, подъ тонъ и складъ простонародной рѣчи, народники-проповѣдники, какъ въ 70-хъ годахъ народники-литераторы, утрируютъ свое избранное направленіе даже до нѣкотораго шаржа. Есть,

очевидно, немало охотниковъ смѣшивать такъ называемую популярность проповѣди съ вульгарностью ея—понятія, которыя, при нѣкоторомъ сходствѣ въ вербальномъ опредѣленіи, взаимно исключаютъ одно другое въ существѣ дѣла. Центральнѣйшій пунктъ въ ученіи о краснорѣчьи, получившій значеніе, со времени Аристотеля, основанія всей риторической теоріи, составляетъ вопросъ о цѣли его. Этимъ принципиальнымъ вопросомъ въ гомилетикѣ бл. Августина заняты подрядъ три главы, 27, 28 и 29. Но трактатъ о цѣли краснорѣчья не принадлежитъ лично Августину, „какъ автору: Августинъ взялъ его цѣликомъ изъ древне-классической риторики и, повторяя въ своей гомилетикѣ положенія древнихъ риториковъ, впадаетъ въ старыя риторическія погрѣшности. Древніе, какъ извѣстно, не имѣли точнаго и вполне опредѣленнаго взгляда на краснорѣчіе. Они понимали его то какъ искусство, то какъ науку, то просто какъ способность. Сбивчивость классической терминологіи въ опредѣленіи краснорѣчья условливалось, прежде всего, неяснымъ выразумѣніемъ сущности его; въ понятіи его смѣшивалась психологическая сторона краснорѣчья съ технической, субъективное начало съ объективнымъ элементомъ, этический моментъ съ эстетическимъ. Отсюда и теорія трехъ цѣлей ораторства: научать (*docere*), нравиться (*delectare*) и трогать (*movere*)—съ строго психологической точки зрѣнія не выдерживаетъ критики: она (теорія) страдаетъ также спутанностью и сбивчивостью понятій, смѣшивая психологическіе моменты и принимая средства краснорѣчья за цѣль его. Проф. Пѣвницкій, входя съ критическимъ анализомъ въ трактатъ Августина о цѣли ораторства, вноситъ въ него двѣ существенныя, на мой взглядъ, поправки: первая—когда онъ говоритъ, что „три цѣли, указываемыя древними риториками, въ практикѣ не должны быть отдѣляемы одна отъ другой.

Совершенный ораторъ въ одно и то же время долженъ имѣть въ виду всѣ эти цѣли и удовлетворять всѣмъ требованіямъ, отсюда вытекающимъ. Въ каждомъ истинно-ораторскомъ произведеніи долженъ быть и элементъ художественный,—внѣшняя форма, отличающаяся чистотою и изяществомъ, и элементъ дидактическій,—мысли и представленія, отличающіяся большею или меньшею глубиною, большею или меньшею ясностью пониманія дѣла, и свидѣтельствующія объ основательныхъ знаніяхъ оратора, и наконецъ элементъ дѣятельный, который отвѣчаетъ риторическому *movere*, какъ первыя двѣ отвѣчаютъ понятіямъ *delectare* и *docere* (28). Я могъ бы только замѣтить съ своей стороны, что названіе этихъ трехъ психологическихъ моментовъ въ краснорѣчьи тремя *цѣлями* его неправильно и неточно: *docere*, *delectare* и *movere*, въ сущности, вовсе не цѣли краснорѣчья, въ смыслѣ параллельныхъ, координарныхъ понятій къ понятію *persuadere* настоящей цѣли ораторства; тѣ элементы—только средство въ

отношеніи къ этой главной цѣли и, какъ такія, они суть факторы, имѣющіе служебное, а не самостоятельное значеніе въ краснорѣчіи ¹⁾.

Поэтому я совершенно согласенъ съ проф. Пѣвницкимъ, когда онъ, внося, по моему мнѣнію, вторую поправку въ риторическо-теоретическій трактатъ Августина о цѣляхъ краснорѣчія, говоритъ, что „центръ тяжести тутъ нужно ставить не въ томъ, что древніе выражали словомъ *docere*, а въ томъ, что у нихъ означалось словомъ *πειθεῖν*“ (29). Но этому *πειθεῖν*, по моему мнѣнію, не соответствуетъ *movere*, какъ отождествляетъ или параллелизируетъ эти два термина г. Пѣвницкій. Словомъ *movere* (по Квинтиліану) или *flectere* (по Цицерону) обозначался у древнихъ собственно патетическій элементъ въ краснорѣчіи, благодаря которому ораторъ могъ трогать души слушателей; но въ понятіи этого *τρογανία*, въ смыслѣ возбужденія чувствъ или движеній души (аффектовъ), отнюдь не заключалось понятія дѣйствія на самую волю, въ смыслѣ побужденія къ свободному стремленію человѣка; эта настоящая цѣль краснорѣчія выражалась у древнихъ именно понятіемъ *πειθεῖν*, *persuadere*; и понятіе *πειθαιον*, *persuasibile*, обнимаетъ собой всѣ три означенные момента. Самъ же почтенный проф. въ началѣ своего разбора 27-й главы справедливо отступилъ отъ неправильнаго, по моему мнѣнію, въ русскомъ переводѣ (ср. гл. 34) термина „убѣждать“ (= *movere*, *flectere*), замѣнивъ его словомъ „трогать“. Строго и послѣдовательно выдерживая это единственно-вѣрнее значеніе риторическаго термина *movere*, нельзя смѣшивать его съ понятіемъ *πειθεῖν*, къ которому оно относится какъ средство, какъ служебное орудіе къ главной цѣли.

Съ теоріей тройкой цѣли краснорѣчія бл. Августинъ ставитъ въ тѣсную связь древне-риторическое ученіе о трехъ родахъ слога—простомъ, среднемъ и высокомъ (34 гл.) Связующимъ звеномъ между трактатомъ о трехъ цѣляхъ ораторства и ученіемъ о трехъ родахъ слога служитъ у него положеніе, что ораторъ, удовлетворяя требованіямъ: учить, нравиться и трогать, долженъ говорить внятно, охотно и покорно (*intelligenter*, *libenter*, *obedienter* = внятно, пріятно и убѣдительно; 33, 34; 56). Августинъ вводитъ, такимъ образомъ, ученіе о трехъ родахъ слога во внутреннюю связь, въ логическое соотношеніе съ основными положеніями своей теоріи.

И едва ли онъ изъ одного лишь подражанія древнимъ риторамъ, какъ „вѣрный и усердный послѣдователь ихъ“, вноситъ въ свою „науку“ трактатъ о родахъ слоговъ. Критическое отношеніе къ этому трактату съ точки зрѣнія спеціально-гомилетической теоріи и видоизмѣненіе его примѣ-

¹⁾ Сравни Цицер. „De Orat.“, 2, 77. „Tribus rebus omnes ad nostram sententiam perducimus, aut docendo, aut conciliando, aut permovendo“

нительно къ особымъ цѣлямъ показываютъ въ авторѣ уже не совсѣмъ „вѣрнаго и усерднаго послѣдователя“ древнихъ риторовъ. Его личное сознание важности и цѣлесообразности ученія о родахъ слоговъ, его искреннее убѣжденіе въ необходимости этого ученія въ теоріи краснорѣчія достаточно сказались въ самомъ увлеченіи его образцами различія слоговъ изъ текста священныхъ и церковныхъ писателей. Недаромъ и посвятилъ онъ этому трактату 25 главъ, чуть не половину книги.

За это излюбленное ученіе о трехъ родахъ слога крѣпко держались старыя реторики. „Объ этихъ трехъ родахъ слога“— говоритъ проф. Пѣвницкій— „рѣчь велась въ реторикахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ, и даже въ учебникахъ, бывшихъ въ употребленіи въ нашихъ школахъ нѣсколько десятилѣтій назадъ, на памяти людей, живущихъ еще нынѣ, воспроизводили разсужденія древнихъ риторовъ“ (34).

Мало того; не только воспроизводили ученіе древнихъ риторовъ: были попытки даже научно обосновать его. Ломоносовъ пытался, какъ извѣстно, лингвистически опредѣлить границу между тремя родами слога—высокимъ, среднимъ и низкимъ. Эта теорія его быть можетъ и имѣла свое оправданіе въ современномъ ему состояніи языка; но съ тѣхъ поръ, какъ пришли въ равновѣсіе стихіи русскаго языка—славяноцерковная, престолярная и литературная—теорія Ломоносова о трехъ родахъ слога потеряла всякое значеніе. Съ современной точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ, справедливо замѣчаніе проф. Пѣвницкаго, что „длинный трактатъ бл. Августина о родахъ слога не вноситъ ничего существенно новаго въ изслѣдованіе о законахъ проповѣдничества и не даетъ прямыхъ, полезныхъ практическихъ указаній проповѣднику“ (34).

Лучшимъ и наиболѣе практичнымъ правиломъ во всемъ этомъ трактатѣ, безспорно, нужно считать общее положеніе бл. Августина, что искусство проповѣдника въ отношеніи слога, собственно—въ томъ, чтобы „умѣть произвести сколько можно приличное смѣшеніе въ слогахъ и оразнообразить проповѣдь свою всѣми способами выраженія. Если поученіе слишкомъ долго и пространно выражается однимъ какимъ-либо изъ трехъ слоговъ, то скоро наскучиваетъ слушателю. Напротивъ, если дѣлаетъ приличные отливы и переходы отъ одного слога къ другому, тогда и длинная проповѣдь бываетъ гораздо занимательнѣе“ (51 г.)

Свой послѣдовательный и подробный анализъ гомилетики Августина проф. Пѣвницкій оканчиваетъ критическимъ замѣчаніемъ относительно разсужденія Августина по вопросу о сказываніи чужихъ проповѣдей (гл. 62). Нельзя не согласиться съ основнымъ положеніемъ г. Пѣвницкаго въ этомъ замѣчаніи: „Если взять во вниманіе, что отъ проповѣдника требуется живое свидѣтельство божественной истины, согрѣ-

тое личнымъ дыханіемъ убѣжденной души и вынесенное ею изъ глубины сердца, то чтеніе чужой проповѣди прямо противорѣчитъ понятію о проповѣди, какъ живомъ свидѣтельствѣ истины“ (44). Этому критическому замѣчанію своему г. Пѣвницкій остается вѣренъ и въ сочиненіи своемъ: „Средневѣковыя Гомилетики“, встрѣчаясь тамъ съ тѣмъ же совѣтомъ бл. Августина въ устахъ средневѣковаго гомилета Гумберта (65—66 стр.) Оставляясь тамъ нѣсколько подробнѣе на этомъ спорномъ сужденіи Гумберта, г. Пѣвницкій дѣлаетъ одну уступку для чужихъ проповѣдей, когда таковыми являются творенія святыхъ отцовъ церкви, представляющія, послѣ книгъ Свящ. Писанія, наиболѣе цѣнное достояніе церковной письменности.

Исчерпавъ все существенное въ книгѣ бл. Августина, проф. Пѣвницкій излагаетъ въ заключеніи своего сочиненія выводы; опираясь на данныхъ своего анализа, онъ высказываетъ свой общій взглядъ на книгу бл. Августина; указываетъ ея историческое значеніе, ея цѣнность и важность въ историческо-гомилетической наукѣ, отмѣчаемъ „достоинство главной мысли, лежащей въ основѣ всѣхъ гомилетическихъ наставленій Августина и дающей направленіе проповѣднической дѣятельности церковныхъ ораторовъ или учителей,—именно, мысли, что „доброе и полезное содержаніе проповѣднаго слова важнѣе и предпочтительнѣе внѣшняго изящества рѣчи“.

Общій выводъ брошюры: гомилетика бл. Августина представляетъ интересъ въ историческо-гомилетическомъ отношеніи; но нѣкоторые добрые и полезные совѣты въ ней не лишаютъ ея значенія и въ качествѣ практически-руководственной гомилетической книги.

Это общее заключеніе почтеннаго профессора Пѣвницкаго долженъ въ точности повторить вслѣдъ за нимъ и рецензентъ его брошюры, формулируя какъ разъ въ тѣхъ же выраженіяхъ свои личныя сужденія о достоинствахъ, значеніи и цѣнности разсмотрѣннаго труда его.

II.

Въ сочиненіи: „Средневѣковыя Гомилетики“ авторъ ставитъ своей задачей „обозрѣть средневѣковую гомилетическую литературу“ (стр. 4). Цѣль и смыслъ этого обзора онъ объясняетъ въ предисловіи къ своему труду, гдѣ указываетъ на важное значеніе историко-критическихъ обзоровъ прежнихъ работъ, относящихся къ извѣстной наукѣ вообще, и въ частности—на особенную необходимость историческихъ обозрѣній научныхъ трудовъ въ области гомилетической. Самое сочиненіе свое авторъ предваряетъ также вступленіемъ, въ которомъ знакомитъ читателя съ состояніемъ гомилетической литературы въ средніе вѣка, даетъ общую характеристику

средневѣковыхъ гомилетическихъ руководствъ, указываетъ составъ ихъ, направленіе, цѣль, содержаніе и отношеніе къ „Христіанской Наукѣ“ бл. Августина, къ „Пастырскому Правилу“ Григорія Великаго и къ языческимъ авторитетамъ.

По предметамъ содержанія своего книга г. Пѣвницкаго дѣлится на двѣ части: въ первой (5—218 стр.) авторъ обзрѣваетъ теоретическія руководства для проповѣдниковъ; во второй (219—330)—практическія пособія для проповѣдниковъ въ средневѣковой литературѣ. Точки зрѣнія, которыми опредѣляется выборъ научнаго матеріала въ книгѣ, намѣчаются авторомъ въ слѣдующихъ словахъ его: „Одни изъ сочиненій по гомилетикѣ сведневѣковаго періода заслуживаютъ вниманія историка потому, что заключаютъ въ себѣ много полезныхъ замѣчаній касательно проповѣдей, могущихъ имѣть значеніе и для нашего времени,—другія потому, что принадлежатъ авторитетнымъ лицамъ, высоко стоящимъ въ исторіи просвѣщенія и схоластической науки,—третьи потому, что представляютъ результатъ всего того, что выработала схоластическая наука въ теченіе длиннаго средневѣковаго періода въ гомилетической области, для уясненія законовъ проповѣди и для направленія и облегченія проповѣдническаго труда“ (стр. 5). На самыхъ типичныхъ представителяхъ средневѣковой гомилетики авторъ и останавливается съ своимъ историко-гомилетическимъ разборомъ. Въ предѣлахъ періода съ XI по XVI вв. онъ послѣдовательно, въ хронологическомъ порядкѣ, разсматриваетъ гомилетическія сочиненія Гюнберта, Алана de Insulis, Гумберта романскаго и Эразма Роттердамскаго. Такимъ образомъ, первая часть книги состоитъ изъ четырехъ гомилетическихъ очерковъ. Планъ и методъ изложенія, въ общемъ, одинаковы въ каждомъ изъ нихъ: общія краткія біографическія свѣдѣнія о писателѣ и бібліографическія—о сочиненіи его, подлежащемъ разбору: указаніе времени и обстоятельства происхожденія сочиненія; предметы и задачи его; затѣмъ слѣдуетъ общая внутренняя характеристика и анализъ содержанія его. Отмѣчая основныя мысли, характеризующія гомилетическія воззрѣнія писателя или гомилетическую методу его, проф. Пѣвницкій часто подвергаетъ критическому суду и оцѣнкѣ ту или другую мысль съ православно-гомилетической или общей церковно-исторической точки зрѣнія. Такова, на примѣръ, экскурсія его въ область древней церковно-исторической практики, представляющая обстоятельную справку по вопросу о томъ, на комъ лежитъ долгъ церковнаго проповѣдничества. Авторъ входитъ въ подробное обсужденіе этого вопроса по поводу, съ одной стороны, требованія Гюнберта, „чтобы не уклонялись отъ исполненія церковно-учительскаго долга и люди, не облеченные званіемъ пастырей (9—13); съ другой—какъ разъ обратнаго положенія Алана (38—43) и Эразма Роттердамскаго (187—138), что проповѣдь есть долгъ однихъ

только прелатовъ или высшихъ представителей церковнаго клира. Касаясь образа изложенія или раскрытія матерій у Гумберта, г. Пѣвницкій осуждаетъ схоластическую манеру его, вслѣдствіе которой происходитъ однообразіе рѣчи и сухость изложенія, доставляющая утомленіе читателю (52—53). О сочиненіи Гумберта, впрочемъ справедливость требуетъ вообще сказать, что съ точки зрѣнія обилія матеріала для критическихъ замѣчаній трудно найти болѣе благодарное произведеніе въ цѣлой гомилетической литературѣ среднихъ вѣковъ. Но только съ этой лишь одной стороны и можетъ быть любопытно сочиненіе Гумберта, который на одной страницѣ говоритъ, что „если проповѣдывать часто, то проповѣдь теряетъ свою цѣну и надоедаетъ слушателямъ“ (75 стр.), а на другой говоритъ, что „нужно проповѣдывать постоянно“ (79 стр.).

Съ особенною подробностью и сосредоточенностью вниманія останавливается проф. Пѣвницкій въ своей книгѣ на гомилетикѣ Эразма Роттердамскаго. Трактатъ объ этой гомилетикѣ занявшій болѣе трети всей книги, является въ ней наиболѣе обстоятельнымъ и тщательно обработаннымъ гомилетическимъ этюдомъ. Въ немъ—центръ тяжести всего сочиненія, въ немъ—и главный предметъ книги, и главный интересъ ея. Внимательное изученіе Эразма и основательное знакомство съ нимъ внушило г. Пѣвницкому возвышенное представленіе о личности этого симпатичнаго гуманиста и о его пастырско-гомилетическихъ воззрѣніяхъ. „Дѣлаетъ честь Эразму то“, говоритъ г. Пѣвницкій, „что онъ, самъ не будучи проповѣдникомъ, ставитъ должность проповѣдника чрезвычайно высоко, предпочитая проповѣдничество всѣмъ другимъ отправленіямъ церковно-общественной жизни“ (147).

Что касается гомилетики его, то она, по словамъ г. Пѣвницкаго, „изъ всѣхъ средневѣковыхъ гомилетикъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она устраняетъ собою гомилетику, прежде нея явившіяся, и будучи полнѣе и выше ихъ по своему содержанію, даетъ возможность познакомиться съ состояніемъ науки о проповѣдничествѣ въ средніе вѣка въ ея наилучшей обработкѣ“ (101). Это положеніе свое авторъ представляетъ фактическими данными, начиная этюдъ объ Эразмѣ съ поставленіемъ съ нимъ, какъ гомилетомъ, самыхъ знаменитыхъ представителей схоластической науки и средневѣковаго просвѣщенія—Бонавентуры, Томы Аквината, Іоанна Рейхлина, Ульриха Сурганта,—труды которыхъ „блещутъ предъ сочиненіемъ Эразма Роттердамскаго: подъ перомъ его наука о проповѣди достигла высшей степени своего развитія“ (102, 111).

Во вниманіе къ безусловному превосходству гомилетики Эразма предъ трудами „всего предшествующаго средневѣковаго періода“, проф. Пѣвницкій дорожитъ каждою частностью, каждою чертою, каждою подробностью, имѣющею

такое или иное отношеніе къ разсматриваемой имъ гомилетикѣ. Въ обширномъ очеркѣ о средневѣковомъ реформаторѣ проповѣди читатель подробнѣйшимъ образомъ знакомится съ обстоятельствами происхожденія и исторію составленія гомилетики Эразма, со взглядомъ его на проповѣдь и характеромъ его критики, по сатирическому сочиненію его: „Похвала глупости“; съ составомъ, потомъ, самой гомилетики его подъ заглавіемъ: „Ecclesiastes sive concionator evangelicus“; съ частнѣйшимъ содержаніемъ каждой изъ четырехъ частей ея и со всѣми болѣе или менѣе выдающимися пунктами въ ней со стороны принципиальной, формальной и матеріальной. По тону и характеру изложенія этюдъ объ Эразмѣ, сравнительно съ предыдущими очерками, отличается относительнымъ преобладаніемъ панегиризма надъ критическимъ элементомъ; этотъ послѣдній элементъ выраженъ въ немъ очень слабо, что обуславливается замѣтнымъ личнымъ сочувствіемъ автора „умной“ гомилетикѣ Эразма.

Вторая часть сочиненія посвящена обзору практическихъ пособій для проповѣдниковъ въ средневѣковой литературѣ, которыя, по словамъ автора, „служать той же цѣли, для какой составлялись и издавались теоретическія гомилетики, и являются ихъ непосредственнымъ дополненіемъ“ (219). Авторъ обращаетъ вниманіе на чрезвычайное обиліе и разнообразіе средневѣковыхъ проповѣдническихъ сборниковъ, указываетъ причины, вызвавшія ихъ появленіе (съ XIII в.) и размноженіе, разъясняетъ смыслъ ихъ и значеніе, ихъ пользу и ихъ невыгодную сторону во влияніи на проповѣдь. Далѣе, классифицируетъ эти разнообразныя сборники или магазины по источникамъ, откуда почерпались собираемыя въ нихъ свѣдѣнія, по свойству или качеству предлагаемыхъ въ нихъ матерій, по предметамъ, какіе они имѣли въ виду освѣтить, и по формѣ, въ какой предлагалась въ нихъ помощь для проповѣдника. По схемѣ этой классификаціи слѣдуетъ детальное изложеніе содержанія: 1) сборниковъ библейскаго содержанія; 2) сборниковъ свидѣтельствъ и изреченій святыхъ отцовъ и церковныхъ учителей; 3) сборниковъ изреченій философовъ и другихъ свѣтскимъ писателей; 4) сборниковъ историческаго содержанія; 5) сборниковъ естественно-историческаго содержанія; 6) сборниковъ содержанія нравоучительнаго и догматическаго; 7) сборниковъ содержанія энциклопедическаго и 8) сборниковъ готовыхъ проповѣдей. Частнѣйшій историко-гомилетическій обзоръ проповѣдническихъ сборниковъ подробно знакомитъ читателя со всѣми видами этихъ „полезно-забавныхъ“ средневѣковыхъ произведеній. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на сборникѣ Бонавентуры подъ заглавіемъ: „Библия бѣдныхъ“ („Biblia pauperum“) и на сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Gesta homalogum“, „Дѣянія Римскія“. Подробный и весьма обстоятельный разборъ этихъ двухъ важнѣйшихъ сборниковъ

восполняется большими выдержками изъ нихъ, непосредственно знакомящими читателя съ содержаніемъ и характеромъ ихъ.

Резюмируя свое сочиненіе, авторъ выдвигаетъ два главныхъ общихъ положеній, что а) средневѣковая литература представляетъ большое обиліе гомилетическихъ сочиненій и б) что характерную особенность средневѣковой гомилетической литературы составляетъ чрезвычайное множество разныхъ практическихъ пособій для проповѣдниковъ или магазиновъ проповѣдническаго матеріала.

Въ заключеніи сочиненія авторъ, пользуясь метафорой Меффрееа, уподобляетъ средневѣковую проповѣдническую литературу обширному, густо заросшему саду, „гдѣ рядомъ съ хорошими плодовыми деревьями и цвѣтами въ обиліи разрослись разныя сорныя травы, и эти сорныя травы постепенно заглушали добрыя насажденія, которыя достались среднимъ вѣкамъ, въ качествѣ наслѣдія, отъ древнихъ отцовъ-проповѣдниковъ, передававшихъ въ свое время чистое евангельское ученіе, и обогатившихъ церковь своими назидательными бесѣдами и словами, которыя бы должны стоять всегда образцомъ для позднѣйшихъ поколѣній“.

Сочиненіе профессора Пѣвницкаго не представляетъ собой, въ строгомъ смыслѣ слова, научнаго изслѣдованія, характеризующагося извѣстной научной постановкой дѣла и научнымъ методомъ изслѣдованія. Въ немъ нѣтъ научнаго обзора литературы по предмету его; нѣтъ такъ называемаго „ученаго аппарата“, въ видѣ историко-критическаго изслѣдованія о подлинности разсматриваемыхъ сочиненій средневѣковыхъ писателей и объ ихъ изданіяхъ (за исключеніемъ разбора сборника подъ именемъ „Gesta romanorum“, „Дѣянія Римскія“); нѣтъ, или почти нѣтъ, характернаго въ ученыхъ изслѣдованіяхъ такъ называемаго „нижняго этажа“, въ видѣ обширныхъ примѣчаній и ссылокъ, сообщающихъ фундаментальную устойчивость каждому положенію въ текстѣ.

Но въ сочиненіи историко-литературнаго характера, имѣющемъ своей задачей не „Forschung“, собственно, какъ говорятъ нѣмцы, а „Darstellung“, т. е. изложеніе въ рядѣ популярныхъ очерковъ содержанія средневѣковаго гомилетическаго матеріала съ цѣлью фактическаго ознакомленія съ гомилетической литературой среднихъ вѣковъ,—тяжеловѣсные атрибуты специальной учености не вызываются существомъ дѣла. Можно бы, пожалуй, пожелать въ сочиненіи побольше философско-историческаго освѣщенія дѣла.

Фактическая сторона сочиненія весьма богата и обстоятельна. Но читатель не видитъ достаточнаго объясненія излагаемыхъ фактовъ въ историческихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, внутренне связанныхъ съ изображаемыми фактами, какъ причины съ своими слѣдствіями. Связь эта, правда, указана въ книгѣ; но она намѣчена слишкомъ слабо и блѣдно.

Напримѣръ, первая и послѣдняя мысль въ книгѣ—необыкновенное обиліе гомилетическихъ руководствъ, необычайный подъемъ и оживленіе гомилетическихъ интересовъ въ средневѣковый періодъ. Но какъ и чѣмъ вызвано это обиліе гомилетическихъ сочиненій и это оживленіе гомилетической науки? Какія обстоятельства благоприятствовали этому? Читатель не удовлетворяется объясненіемъ въ родѣ того, что „обиліе гомилетическихъ сборниковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что на проповѣдь въ то время было обращено большое вниманіе, и люди знающіе не скупились на пособія призываемымъ къ служенію церковнаго слова“ (220). Это объясненіе, по словамъ автора, *сг одной стороны*; „*съ другой стороны*—что несшіе обязанность проповѣдничества нуждались въ подобнаго рода пособіяхъ и широко пользовались ими“ (ibid). Въ сущности, тутъ нѣтъ объясненія ни съ одной, ни съ другой стороны; тутъ констатируется только самый фактъ съ указаніемъ не причинъ его, а значенія его и нужды въ немъ. Это все равно, какъ если бы въ объясненіе того, напримѣръ, факта, что въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время выпало большое обиліе атмосферическихъ осадковъ, сталъ бы кто указывать на то обстоятельство, что, стало быть, тамъ и тогда земля особенно нуждалась во влагѣ, и небо не поскупилось на орошеніе ея и снѣгомъ и дождемъ. Почтенный профессоръ указываетъ мимоходомъ на основаніе ордена доминиканцевъ (47 стр.). Совершенно справедливо; но это обстоятельство, какъ ближайшая причина возбужденія проповѣди, само явилось результатомъ чего то болѣе глубокаго и кореннаго, чѣмъ появленіе ереси альбигойцевъ, которое въ свою очередь нуждается въ объясненіи. Историки западно-гомилетической литературы, какъ Роте, Гарнакъ, Линзенмайеръ и др. ставятъ пробужденіе интереса къ гомилетическимъ занятіямъ и вообще гомилетическо-литературное движеніе на латинскомъ западѣ въ прямую причинную связь съ общимъ пробужденіемъ умственно-духовной жизни и движеніемъ въ сферѣ научной культуры. Отсюда объясняютъ они и самый характеръ средневѣковаго проповѣдничества: съ 11-го столѣтія образовалось на почвѣ изученія Аристотелевыхъ сочиненій формально-философское направленіе, которое скоро получило господство подъ именемъ схоластики во всѣхъ школахъ. Подъ вліяніе этого направленія не могла не подпасть и наука о проповѣди. Если въ общихъ курсахъ исторіи проповѣдничества средневѣковая эпоха находитъ себѣ болѣе или менѣе полное объясненіе, то желаніе нѣкотораго концептрическаго освѣщенія въ спеціально-гомилетическомъ сочиненіи, посвященномъ средневѣковому періоду, полагаю, нельзя счесть за излишнюю претензію.

Нельзя не пожелать также, въ интересъ цѣльности впечатлѣнія рецензируемаго сочиненія на читателя, болѣе внимательной и болѣе достойной его (сочиненія) обработки какъ

съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. Въ первомъ отношеніи впечатлѣнію мѣшаетъ нѣкоторая дисгармонія мыслей, разнорѣчащихъ, чтобы не сказать противорѣчащихъ одна другой на разныхъ страницахъ. Въ самомъ началѣ своего сочиненія, на примѣръ, авторъ говоритъ, что „средневѣковыя гомилетическія руководства не преслѣдовали научной цѣли, не входили ни въ теоретическія, ни въ историческія научныя изслѣдованія предмета, разсматриваемаго въ гомилетикѣ“ (2 стр.). Между тѣмъ, при разборѣ гомилетики Гумберта, авторъ отмѣчаетъ „въ научномъ отношеніи“ значеніе шестой главы въ первой части ея. Затѣмъ, въ первыхъ трехъ книгахъ „умной“ гомилетики Эразма мы читаемъ, по словамъ почтеннаго автора, „самыя подробныя гомилетическія и риторическія правила, и кажется, нѣтъ такой частности изъ области гомилетическо-риторической, о которой бы онъ не сдѣлалъ замѣчанія“ (215). Еще рѣзче противорѣчитъ началу сочиненія конецъ его, гдѣ почтенный профессоръ, суммируя свои выводы, говоритъ: „По обилію научныхъ трудовъ, по тому вниманію, какое удѣляли гомилетикѣ въ прежнее время, она можетъ считаться одною изъ старѣйшихъ наукъ въ ряду отраслей знаній, нынѣ существующихъ“... (331). И затѣмъ, если согласиться съ положеніемъ автора на 2 й страницѣ сочиненія его, что „средневѣковыя гомилетическія руководства не преслѣдовали научной цѣли, не задавались учеными вопросами, относящимися къ уясненію проповѣди, и не входили ни въ теоретическія, ни въ историческія научныя изслѣдованія предмета, разсматриваемаго въ гомилетикѣ“, то какое же отношеніе къ книгѣ будетъ имѣть II-я страница предисловія къ ней, гдѣ мы читаемъ: „На длинномъ (историческомъ) пути, пройденномъ гомилетикой, мы встрѣчаемъ большое обиліе научныхъ работъ, посвященныхъ рѣшенію задачи, ей подлежащей,—пожалуй, больше чѣмъ въ какой либо другой отрасли знаній. Здѣсь представляется вниманію множество разнообразныхъ опытовъ изложенія гомилетическихъ правилъ и опредѣленія законовъ проповѣдническаго искусства, и при изученіи ихъ открываются, какъ видоизмѣнились гомилетическія теоріи, какъ различно понималась задача науки, и какое было различіе во взглядахъ на методы и способы, наиболѣе годные къ достиженію цѣлей, какія должна преслѣдовать гомилетика“. Если эти слова относятся не къ средневѣковому періоду гомилетической исторіи, тогда зачѣмъ они и набраны въ книгѣ о „средневѣковыхъ гомилетикахъ“? Но что авторъ касается въ этихъ словахъ научно-гомилетической значимости и среднихъ вѣковъ, это видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ предисловія, въ которыхъ онъ говоритъ, что „въ средніе вѣка на гомилетику впервые обращено было особенное вниманіе, и люди, во главѣ умственно-литературнаго движенія, одинъ предъ другимъ спѣшили излагать гомилетическія правила въ болѣе или менѣе полномъ

систематическомъ видѣ“. А если такъ, то что это были за „научныя работы, посвященныя рѣшенію гомилетической задачи, что это за разнообразныя опыты и положенія гомилетическихъ правилъ и опредѣленія законовъ проповѣдническаго искусства“, въ которыхъ „не входили въ теоретическое научное изслѣдованіе предмета, разсматриваемаго въ гомилетикѣ“?

При всемъ своемъ опытѣ и навыкѣ къ учено-литературнымъ трудамъ съ талантливымъ перомъ въ рукахъ почтенный профессоръ по мѣстамъ грѣшитъ въ своей книгѣ противъ чувства мѣры, поддаваясь панегиризму. То, что говорить онъ объ Эразмѣ, что „желаніе быть обстоятельнымъ побудило его быть многорѣчивымъ“, читателю невольно хочется примѣнить, подчасъ, къ самому автору. Нѣкоторыя ненужныя подробности, неважныя частности безъ ущерба для сочиненія, но къ выгодѣ для читателя, могли бы быть выпущены изъ книги. Таковы, напримѣръ, по моему мнѣнію, страницы изъ Гумберта 57—60, 80 81, представляющія поистинѣ одно лишь словоупражненіе: въ нихъ нѣтъ ни зерна гомилетической мысли, нѣтъ даже и остроумія, какое находить добродушіе почтеннаго профессора (81), а есть одно сплошное заблужденіе гомилета. Таковы же и страницы 93—100.

Тономъ панегиризма отзывается въ особенности очеркъ объ Эразмѣ Роттердамскомъ. Что Эразмъ обладалъ „острымъ и живымъ умомъ“, съ этимъ читатель, безъ сомнѣнія, согласился бы даже и въ томъ случаѣ, если бы почтенный профессоръ сказалъ объ этомъ только одинъ разъ въ книгѣ, а не четыре раза (стр. 100, 112, 117, 331). Но когда Эразмъ Роттердамскій говорить, что „служеніе проповѣдника выше служенія ангельскаго, такъ какъ ангель возвѣщаетъ доброе и недоброе, а проповѣдникъ возвѣщаетъ только радость и миръ, что проповѣдникъ выше Іоанна Крестителя, Предтечи Господня, что проповѣдникъ есть современный чудотворецъ и т. п., то читателю не безъ основанія сдается, что обладатель „остраго и широкаго ума“ заговаривается въ своемъ знаменитомъ „Экклезиастѣ“ не менѣе Гумберта Романскаго, доказывающаго въ своей гомилетикѣ, что проповѣдь—выше святыхъ молитвъ, выше св. таинствъ крещенія, исповѣди и др. По крайней мѣрѣ едва ли можно безъ ограниченія сказать объ Эразмѣ, что онъ „о всемъ высказываетъ сужденія мѣткія и здравыя, съ которыми нельзя не согласиться и которыхъ нельзя не рекомендовать вниманію служителей церковнаго слова“ (215). Если Эразмъ Роттердамскій и можетъ имѣть значеніе для современной науки о проповѣдничествѣ и для современныхъ служителей церковнаго слова, то со стороны не столько положительно гомилетической, сколько со стороны отрицательной, критическо-гомилетической; здѣсь, въ области

гомилетической критики его „острый и живой умъ“, дѣйствительно, сослужилъ услугу наукѣ и проповѣди, указавъ въ проповѣдничествѣ многія аномаліи и недостатки. Но и тутъ, оставаясь вѣрнымъ историческимъ фактомъ и осторожнымъ въ своихъ выраженіяхъ нельзя сказать, будто послѣ его критики средневѣковой проповѣди уже *перестали* появляться на церковной каедрѣ представители схоластическаго проповѣдничества, съ своимъ тяжелымъ аппаратомъ и странными приѣмами, совершенно неприличными на церковной каедрѣ“ (101).

Какъ перестали? Развѣ неприлично-шутливое направленіе проповѣдничества, профанировавшее церковную каедру разными бурлесками и арлекиадами, не продолжало господствовать и послѣ реформаціи на Западѣ? Развѣ исторія проповѣди не отмѣтила на своихъ страницахъ даже типичныхъ представителей этого направленія въ послѣ-эразмовское время? А миноритъ *Cornelius Adriansen*—этотъ комикъ-проповѣдникъ второй половины XVI-го столѣтія въ Брюгге? Развѣ „*pars ridicula*“ его проповѣдей, потѣшавшая слушателей его, не достойна предреформаціоннаго схоластическаго принципа гомилетики: „*ridendo dicere verum*“? А популярнѣйшій въ XVII столѣтіи во Франціи „*Le petit père Andre Augustin*“—маленькій о. Андрей, августинскій монахъ? Развѣ не представлялъ онъ изъ себя, въ регенство Анны Австрійской тѣхъ же Мальяровъ, Барлеттъ, Мено, не уступая этимъ фиглярамъ церковной каедры по части шутокъ и плоскихъ остротъ? А знаменитый придворный проповѣдникъ въ Вѣвѣ *Abraham a santa clara* (Ulrich Megerle) въ томъ же столѣтіи? Развѣ въ гомилетическомъ отношеніи не „достойное сожалѣнія явленіе“, по выраженію Крауссо,— „тѣмъ болѣе печальное, что шутки его вызывали не только удивленіе, но и подражаніе на многихъ каедрахъ“? Но это только представители комизма въ проповѣди и „неприличныхъ приѣмовъ“ на церковной каедрѣ. Что же касается до „тяжелаго схоластическаго аппарата“ въ проповѣди, то съ представителями этого схоластическаго „груза“ исторія проповѣди простилась уже чуть ли не на рубежѣ нашего XIX столѣтія. Не вѣрнѣ ли, поэтому, судить объ Эразмѣ Роттердамскомъ Геттингеръ, сказавшій о немъ, что онъ „*morbem felicius indicat, quam tollit*“?

Вообще, нѣкоторую долю похвалъ гомилетикѣ Эразма въ книгѣ г. Пѣвницкаго нужно отнести на счетъ высокаго авторитета самого автора гомилетики, „совмѣщавшаго въ себѣ море учености“?

Не свободно сочиненіе почтеннаго профессора Пѣвницкаго отъ нѣкоторыхъ, правда, неважныхъ промаховъ и недосмотровъ и съ внѣшне-литературной стороны. Позволю себѣ отмѣтить, на примѣръ, маленькую неточность перевода на стрн. 19. Касаясь психологическо-гомилетическаго замѣ-

чанія Гюйберта, указывающаго источникъ вдохновенія для проповѣдника въ душѣ человѣка, г. Пѣвницкій такъ переводитъ это замѣчаніе: „Нѣтъ, кажется мнѣ (говоритъ Гюйбертъ), плодотворнѣе рода проповѣди, какъ тотъ, который показываетъ человѣку самого себя, и его, разсѣяннаго вовнѣ, собираетъ внутри себя самого, то есть въ умѣ, и обличая, какъ бы нарисованнаго ставитъ его предъ собственнымъ лицомъ“. Переводъ этотъ съ формально-филологической стороны совершенно вѣренъ, правиленъ и близокъ къ подлиннику. Но слово „въ умѣ“ (*in mente restituat*), по моему мнѣнію, было бы психологически—вѣрнѣе и въ данномъ случаѣ точнѣе передать словомъ „въ душѣ“, сообразно съ контекстомъ цѣлаго мѣста (собираетъ внутри себя самого, — *in uteriq; suo, — in sein Inneres*). Такъ, именно, и переведено это слово (*in sein Gemüth*) у нѣмецкихъ историковъ проповѣди, Роте, Ленца и др. И понятно почему: *das Innere* человѣка не дѣлится на умъ безъ остатка. А въ данномъ случаѣ умъ является даже и не главной силой: важнѣе еще здѣсь совѣсть, чувство, сердце. Можно считать, конечно, эту поправку мелочью; но эта характерная мелочь касается смысла такого превосходнаго замѣчанія, четыре золотыхъ строки котораго, по моему мнѣнію, стоятъ четырехъ частей гомилетики Эразма. Попадаются, наконецъ, въ сочиненіи нѣкоторыя фразы и замѣчанія, которыя читателю, незнакому съ происхожденіемъ книги (изъ отдѣльныхъ журнальныхъ статей), могутъ показаться довольно странными. Такъ на стр. 125 стоитъ фраза: „къ подробному разсмотрѣнію сочиненія Эразма мы приступимъ въ слѣдующій разъ“. Или, во второй части своего сочиненія (стр. 266) авторъ, цитую гомилетика Сурганта и гомилетическій трактатъ, составленный на основаніи сочиненій Θомы Аквината, въ подстрочномъ примѣчаніи отсылаетъ читателя знакомиться съ ними къ книжкамъ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“; между тѣмъ читатель гораздо ближе можетъ познакомиться съ цитируемыми сочиненіями въ первой части самой книги автора, на стрн. 104 и 108.

Отмѣченные мною недосмотры, нѣкоторые недочеты и мелкія погрѣшности въ книгѣ профессора Пѣвницкаго существенно не понижаютъ цѣнности труда его. Съ высоты достоинствъ сочиненія тѣни его весьма незначительны и мало замѣтны... При томъ же, „у кого“ — скажу словами самого почтеннаго профессора—„въ какомъ ученomъ или литературномъ произведеніи нѣтъ недостатковъ? Самыя совершенныя произведенія подвергаются критикѣ, и она находитъ въ нихъ то недомолвки, то преувеличенія, то невольнѣ вѣрное освѣщеніе фактовъ, то поспѣшныя обобщенія и т. под. Вопросъ въ томъ, у кого меньше недостатковъ, у кого эти недостатки извинительны, и у кого крупнѣе и рѣзче бросаются въ глаза“ (стр. 116).

И вотъ съ этой то относительной точки зрѣнія сочиненія автора нельзя не признать выдающимся трудомъ, важнымъ и по новизнѣ предмета, и по широтѣ задачи его, и по богатству сообщаемыхъ въ немъ детальныхъ данныхъ изъ области гомилетической науки. Средневѣковый періодъ въ исторіи гомилетики, чрезвычайно богатый гомилетическимъ матеріаломъ, давно уже получившимъ въ западной, особенно, въ нѣмецкой литературѣ основательную разработку (Остердее, Круель, Линденмайеръ, Леко и др.), въ нашей литературѣ не былъ еще предметомъ спеціального научнаго изслѣдованія, и фактический матеріалъ за этотъ длинный періодъ оставался у насъ неизвѣстнымъ.

Профессоръ Пѣвницкій взялъ на себя сложный, нелегкій трудъ систематически и исторически-последовательно, въ главныхъ, выдающихся моментахъ, обзрѣть обширную средневѣковую гомилетическую литературу и такимъ образомъ впервые познакомить съ любопытнѣйшимъ періодомъ въ исторіи проповѣднической науки. Авторъ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ своей задачѣ и, располагая солидной эрудиціей въ области гомилетической исторіи, выполнилъ ее весьма добросовѣстно.

Своимъ почтеннымъ трудомъ онъ сдѣлалъ новый цѣнный вкладъ въ сокровищницу русской гомилетической науки, восполнивъ въ ней одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ.

Эта высокая цѣнность и интересъ труда г. Пѣвницкаго даютъ ему, по моему мнѣнію, несомнѣнное право на получение преміи покойнаго высокопреосвященнаго митрополита Макарія.

Экстра-ординарный профессоръ Казанской д. академіи
Алексѣй Говоровъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки